

дывает на молодых женщин новые заботы по ведению домашнего хозяйства. Связано это с изменениями во взаимоотношениях в семье, при авторитарности которых всеми домашними делами ведала старшая женщина в семье¹³.

Изучение структуры «трудовых резервов», анализ возможностей привлечения к общественному производству свободных рабочих рук раскрывают, что не во всех случаях количественная оценка имеющихся трудовых ресурсов отражает истинные возможности конкретных регионов. Практика показывает, что дальнейшее расширение участия женщин в общественном производстве будет возможно не за счет быстрого увеличения круга «домашних обязанностей» мужчины, а скорее путем улучшения бытовых условий каждой семьи, расширения средств «механизации» домашнего труда, увеличения числа мест в детских садах, яслях и т. д. Здесь следует подчеркнуть одну характерную особенность семейного быта коренных национальностей республики. Население страны в настоящее время совершенно справедливо выражает недовольство перечнем и качеством услуг, предоставляемых предприятиями службы быта, в то же время у кабардинцев и балкарцев еще не сложилась достаточно прочная традиция прибегать к услугам предприятий службы быта для решения многих бытовых проблем, будь то стирка или ремонт.

Примечательно, что в последние годы все чаще ставится вопрос о том, так ли необходимо дальнейшее вовлечение женщин в общественное производство; специалисты видят прямую связь расширения занятости женщин в общественном производстве с наблюдаемыми с конца 60-х — начала 70-х годов проблемами трудового воспитания молодежи и дезинтегрированности семьи, падением рождаемости и т. п.¹⁴ Вместо отвлечения женщины от семейных проблем предлагается рационализировать использование уже имеющихся на производстве трудовых ресурсов.

Бытовая жизнь семьи включает в себя не только дела, связанные с ведением домашнего хозяйства и удовлетворением ежедневных материальных потребностей членов семьи, но и весь многообразный круг самодеятельных занятий людей в нерабочее время. Растущая с каждым годом доля женщин, занятых в общественном производстве, обостряет проблемы благоустроенности семьи, основная тяжесть обслуживания которой лежит на плечах женщин. Бытующие среди кабардинцев и балкарцев обычаи и традиции, связанные с семьей, системой родства и родственных отношений, проблемами жизнеобеспечения семьи, в некоторых своих проявлениях оказывают сдерживающее влияние на возможности вовлечения неработающих женщин в общественное производство.

¹³ Смирнова Я. С. Указ. раб. С. 175.

¹⁴ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987. С. 157—158.

Т. С. Гузенкова

ЭТНОС В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Этническая картина мира в современной художественной литературе различных народов — тема, еще только входящая в сферу профессионального интереса этнографов. Вместе с тем обращение к литературным произведениям явственно показывает, что в художественном познании действительности этнические стороны, аспекты, сюжеты составляют заметный пласт в общем объеме информации.

Литературное произведение как продукт духовного творчества, порождая своим существованием сложные взаимоотношения между автором читателем, служит важным инструментом взаимного общения, познания и самопознания. И если в качестве создателей и потребителей художест-

венной продукции выступают члены одной и той же этнической общности, то становится ясно, что литература (как и другие виды искусства) оказывается орудием самопознания этноса, одним из средств внутри- и межэтнического общения, а также мощным каналом внутриэтнических информационных связей. Процесс такого общения и самопознания этноса осуществляется главным образом через посредничество группы творческой интеллигенции, профессионально занятой в сфере духовного производства. Писатель, как и всякий другой художник, с одной стороны, оказывается субъектом, познающим свой народ, с другой стороны, создавая духовные ценности, осознает и утверждает представление о собственном назначении, миссии. Идея служения народу в среде творческой интеллигенции приобретает особую актуальность.

Свидетельством тому служат многочисленные признания за собой роли национального писателя, поэта, композитора, выразителя социальных, нравственных интересов, эстетических идеалов своего народа. «Каждый человек смолodu должен понимать, что он пришел на землю для того, чтобы стать представителем своего народа, и должен быть готовым принять на себя эту роль»¹. Эти слова Расула Гамзатова выражают широко признанную концепцию, кредо профессиональной деятельности национальной творческой интеллигенции. Примечательно, что выступления участников VII и VIII съездов писателей СССР отличались, как правило, национальной определенностью. Писатели не только представляли ту или иную национальную литературу, но и затрагивали проблемы, касающиеся соответствующих народов-этносов. Так, на VII съезде писателей в 33 пленарных выступлениях около 200 раз были упомянуты различные этнонимы и производные от них понятия². На VIII съезде выступавшие делегаты значительно чаще, чем на предыдущем съезде, оперировали такими абстрактно-обобщенными категориями, как народ, нация, национальный. Национальный: язык, памятник, вопрос, вкус; национальная: гордость, литература, ограниченность, культура; национальные: традиции, республики, особенности; межнациональные: культуры, отношения и т. д.³

О том, что профессиональные занятия творческой интеллигенции в значительной мере связаны с осмыслением в художественно-образной форме жизни народов в различные исторические эпохи, свидетельствуют не только и не столько признания и заявления, сколько сами произведения. Правда, было бы большим преувеличением считать, что всякий художник (в данном случае писатель) вырабатывает целостное представление о том народе, к которому он принадлежит. Однако можно с уверенностью сказать, что у этноса, обладающего более или менее развитой системой профессиональной духовной культуры, существует и обобщенный «автопортрет», в котором каждое (или почти каждое) произведение становится штрихом, деталью в коллективном отражении действительности. Этот автопортрет, с одной стороны, является плодом субъективных взглядов, мироощущения авторов, с другой — содержит объективные черты, свойственные данной этнической общности.

Допустимо предположить, что из совокупности индивидуальных мнений, содержащихся в художественных произведениях отдельных авторов, складывается более или менее определенное коллективное понимание этнических процессов. Сходство индивидуальных авторских предпочтений в выборе темы, времени действия, социально-классовых характеристик персонажей, бытовых описаний и т. д. позволяет говорить о писателях как об относительно сплоченной группе. Ее профессиональные интересы далеко не всегда полностью отражают интересы той общности, к которой она принадлежит и которую представляет. Несомненно, мера соответствия (совпадения, опережения или отставания) сферы духовного производства актуальным запросам и потребностям различных социальных, социально-профессиональных, классовых и иных слоев в состав-

¹ Гамзатов Р. Мой Дагестан//Роман-газета, 1968. № 14. С. 8.

² Рассчитано по: Седьмой съезд писателей СССР. Стенографический отчет. М., 1983.

³ См.: Литературная газета, 1986. 2 июля. С. 3—11.

ве этноса выступает одним из качественных показателей профессиональной деятельности творческой интеллигенции.

В этой связи несомненный интерес представляет вопрос о том, какое место в современной художественной литературе народов Урало-Поволжья занимает изображение национального своеобразия, какие стороны бытия этносов становятся предметом наибольшего писательского интереса, иначе говоря, как «выглядят» различные этносы Урало-Поволжской историко-этнографической области в творчестве национальных писателей.

В рамках статьи выдвигаемая проблема анализируется в следующих аспектах: 1) историческое пространство изображаемых событий; 2) особенности социально-экологической среды проживания литературных героев; 3) социальные характеристики героев; 4) национальная принадлежность персонажей, отражение внутри- и межнациональных связей и отношений; 5) этническое своеобразие материально-вещной среды в художественных произведениях; 6) место обрядовых сюжетов в художественных произведениях; 7) фольклор в художественных произведениях; 8) роль профессиональной духовной культуры в жизни литературных героев; 9) некоторые этнопсихологические характеристики главных героев.

Интерпретация предложенных сюжетов носит отнюдь не исчерпывающий характер. Ясно, что любой из них может стать предметом специального рассмотрения. Задача статьи состоит в том, чтобы выявить те наиболее устойчивые, типичные содержательные мотивы и стереотипы, которые позволяют говорить если не о традиции, то по крайней мере о тенденциях в современном художественном осмыслении процессов этнического развития.

Источником для данной работы послужили прозаические (романы, повести) произведения и пьесы национальных писателей, вышедшие отдельными изданиями в 1981—1985 гг. на русском и национальных языках. В выборку вошли практически все произведения авторов башкирской, калмыцкой, марийской, мордовской, удмуртской и чувашской национальностей, написанные в 70—80-е годы⁴. Объем выборки составили 280 произведений (из них 170 — на национальных языках) 164 авторов. Анализ произведений осуществлен по двум направлениям: выявление этносоциальных характеристик действующих лиц художественных произведений и этнокультурных реалий, включенных в ткань повествований. К числу этносоциальных индикаторов отнесены: время, место действия (город или село, внутри или вне этнической территории); социально-классовая принадлежность и социально-профессиональный статус главных героев; национальность персонажей. Эта группа показателей учитывалась по всему объему выборки.

К этнокультурной информации отнесены описания и упоминания элементов традиционной материальной и духовной (фольклорный и профессиональный слои) культур, обрядов и обычаев. В работе предпринята также попытка зафиксировать упоминания (авторская речь, высказывания персонажей) о национальном самосознании, патриотизме, этнической идентификации, ощущении своей связи с этносом, т. е. выявить некоторые этнопсихологические характеристики литературных героев и их окружения. При анализе этой группы показателей учитывалось количество упоминаний, а также содержание описаний всех встречающихся в произведениях элементов традиционного слоя материальной и духовной культуры, этнопсихологической компоненты. В качестве источников были привлечены художественные произведения, вошедшие в выборку, переведенные на русский или написанные на русском языке⁵. Кроме того,

⁴ Отбор художественных произведений осуществлен по данным «Летописей печати» за 1981—1985 гг. соответствующих автономных республик.

⁵ Использование источников в переводах на русский язык, разумеется, ведет к потере некоторой части информации (в особенности в том, что касается стиля). Вместе с тем в большинстве случаев переводы отличаются высоким качеством и сохраняют большую часть тех реалий, которые важны для раскрытия темы настоящей статьи.

своеобразную подвыборку составили еще 30 повестей и романов 30 авторов (по 5 от каждой автономной республики). В их число вошли популярные произведения национальных писателей, написанные не только в 70—80-е годы, но и ранее, собравшие наибольшее число читателей. Критерием отбора послужили результаты массовых этнографических опросов, проведенных Институтом этнографии АН СССР совместно с региональными научно-исследовательскими учреждениями в Удмуртской (1979), Чувашской (1981), Марийской (1984) и Калмыцкой АССР (1985). Список произведений был составлен по данным ответов на вопросы: «Какие произведения художественной литературы и каких писателей Вы прочитали за последние полгода?» и «Назовите несколько любимых Вами произведений художественной литературы (желательно не менее 5)».

Художественные произведения — весьма своеобразный этнографический источник, содержащий в себе информацию, преломленную через призму индивидуального сознания писателей, поэтому целесообразно сопоставить литературное описание этносов с их реальным бытием. Основой для такого сравнения послужили в первую очередь материалы статистико-этнографических обследований населения республик Урало-Поволжья. Думается, современные научные представления об историческом развитии и функционировании этносов помогут точнее и глубже интерпретировать их художественный «образ».

Обращаясь к литературным произведениям изучаемого региона как к этнографическому источнику, можно заметить, что наибольшая их часть посвящена различным сторонам жизни коренных народов, причем действие происходит главным образом в пределах соответствующих этнических территорий. Событиям, совершающимся вне Урало-Поволжской историко-этнографической области, посвящено не более 9—14% из 280 проанализированных произведений.

Замечено также, что большинству авторов присуще осознание или во всяком случае ощущение дихотомии «мы — они». Мир, отраженный в художественных произведениях, этнически окрашен. Признак национальной принадлежности, этнической идентификации служит одной из атрибутивных характеристик героев. «Кузнец Иван Капкай — русский», «одна мордовка сказала», «мы, татары, шибко хорошо делаем овчину», «марийцы из Энгер-Солы, русские из Старого Завода, татары из Иск-аула» — подобные определения постоянно встречаются в текстах. Однако не только они создают колорит многонациональности. В ряде случаев события разворачиваются в сопоставлении различных по своей этнической принадлежности миров. Хозяйственные и культурные связи, вражда и дружба разнонациональных концов внутри села или целых поселений в прошлом — распространенный мотив, нередко выступающий в художественных произведениях в качестве одной из основных сюжетных линий.

Главным этническим партнером коренных народов Урало-Поволжья являются русские. Понятно, что длительный исторический опыт совместного проживания дает богатый материал для художественного изображения взаимоотношений с русскими. Это и этнокультурные взаимовлияния, и преодоление межнациональной розни, и роль русских рабочих в формировании классового самосознания представителей коренных народов, и совместная классовая борьба.

Вместе с тем нельзя не отметить, что осмысление проблемы межнациональных контактов противоречиво, как, впрочем, противоречив и сам этот социальный феномен. Наряду с темами любви, дружбы, совместной классовой борьбы представителей разных национальностей в художественных произведениях присутствует идея внутриаэтнической солидарности, прочности земляческих связей. Так, персонажи одной национальности, чаще всего земляки, сталкиваются при самых неожиданных обстоятельствах. Они как бы случайно (по замыслу авторов) находят друг друга в городах, в армии, на линии фронта. Принадлежность к одной и той же национальности расценивается литературными героями как по-

вод, а иногда и как главный толчок к близкому знакомству. «После соревнования Нина подошла ко мне и спросила: „Вы калмык? Я тоже наполовину калмычка“. Так мы и познакомились, а потом и подружились». Ситуация, описываемая персонажем романа А. Бадмаева, распространена в литературе Урало-Поволжья⁶.

Следует заметить также, что при первом знакомстве герои произведений, как правило, обращают внимание на национальность: «Впереди показался человек... Ноги до колен обмотаны белыми портянками. „Вроде эрзя какой-то вышагивает,— предположил Тухтар... — Они всегда так пеленаются”»⁷. В таком внимании персонажей к национальной принадлежности друг друга есть значительная доля истины. Известно, что и в настоящее время в обыденном сознании в свернутых стереотипизированных формах общения фактору национальной принадлежности придается немалое значение. И в этом отражаются сложность и неоднородность процесса межэтнических взаимодействий. Однако подчеркивание, зачастую неосознанное, писателями оппозиции «свой — другие» вольно или невольно может привести, а в ряде случаев и приводит к гипертрофированной демонстрации именно своего, особенного. Так, например, в романе чувашского писателя Ф. Уяра «Тенета» (Москва, 1984) корень «чуваш» употребляется 167 раз.

Некоторые общие предпочтения свойственны писателям Урало-Поволжья и в выборе социально-экологической среды, где разворачиваются события, а также социально-классовой принадлежности главных героев. Не будет преувеличением считать, что литература изучаемого региона почти исключительно крестьянская. В 70 (Башкирия) — 96% (Калмыкия) произведений, написанных в 70—80-е годы, действие происходит полностью или преимущественно в сельской местности. Однако существо проблемы составляет не то, что мир в художественных произведениях предстает главным образом в своем сельском варианте. В данном случае приходится говорить не о так называемой «деревенской» литературе, специально отражающей жизнь и заботы села, а о более широкой мировоззренческой позиции, при которой описание любых событий, круг изображаемых реалий редко выходят за рамки сельской местности, крестьянского жизненного уклада, опыта и психологии. При этом обнаруживает себя тенденция архаизации предметно-духовного мира, проявляющаяся, в частности, в трактовке взаимоотношений города и села.

Город чаще всего противостоит селу, является его антиподом, олицетворяя лишь издержки прогресса. Городская жизнь ассоциируется с чадом, шумом, сутолокой, разобщенностью, испорченностью. В глазах многих персонажей город выглядит как абстрактная враждебная сила: «Скоро нас город задавит», «Там не жить», «В городе даже снег кажется больным»⁸. Следует заметить, что в литературе (и не только изучаемого региона) символом концентрированного городского зла выступает ресторан. Часто именно здесь герои, особенно молодые неопытные женщины, недавно приехавшие из села, приобретают первый и, увы, отрицательный опыт соприкосновения с городской действительностью. «У меня такое впечатление: люди из кожи вон лезут, чтобы развлечь себя», — отмечает один из персонажей пьесы А. Абдуллина «Тринадцатый председатель» после поездки в город. Уничтожение города как социальной среды нередко достигается путем наделения героев — жителей села и горожан — противоположными чертами. Если первые отличаются цельностью, силой, здоровьем, добротой, т. е. набором положительных качеств, то вторые наделяются нередко завистью, карьеризмом, мелочными интересами, непривлекательной внешностью и т. д. Примечательно, что человеческие пороки разоблачаются писателями чаще всего именно на примере горожан. Так, люди, заболевшие вещиизмом, — городские обыва-

⁶ Бадмаев А. Реки начинаются с истоков/Пер. с калм. М., 1983. С. 21.

⁷ Ильбек М. Черный хлеб/Пер. с чуваш. Чебоксары, 1982. С. 11.

⁸ Абдуллин А. Тринадцатый председатель. М., 1979. С. 62//Между Волгой и Уралом. Произведения писателей автономных республик Поволжья и Урала. Йошкар-Ола, 1978. С. 264.

тели⁹; женщина, бросившая своего ребенка, — инженер-экономист нефтеперерабатывающего завода¹⁰; мужчина, некогда соблазнивший девушку — кандидат технических наук, преподаватель вуза¹¹; современный бюрократ — чиновник областного масштаба¹²; самовлюбленная бездельница — горожанка, жена инженера-гидролога¹³.

Подобная ориентация в оценке города тесно связана с другой отличительной чертой: положительные герои, живущие в городе, тоскуют по крестьянскому прошлому, идеализируют сельский образ жизни. В частности, для башкирской литературы типичен образ горожанина — недавнего мигранта, поглощенного воспоминаниями о годах, проведенных в деревне. Уфимский рабочий, герой повести Ф. Исянгулова «Фания», замечает: «До сих пор все на деревенский манер оцениваю».

Изложенные наблюдения отнюдь не исключают существования произведений, в которых город выступает как многомерная социально-экологическая среда, а проблемы и сложности городской жизни не отменяют достоинства села, но приобретают самоценность. Писатели А. Бикчентаев и Н. Асанбаев (Башкирия), А. Талвир (Чувашия) и др. представляют урбанистическое направление в литературе. Однако, несомненно, налицо разрыв между динамизмом, размахом социальных сдвигов в современном обществе и мерой, а также характером их отражения в художественной литературе республик Урало-Поволжья¹⁴. Темпы развития урбанистических процессов требуют более интенсивной социально-экологической, социально-классовой пересорентации художественной литературы.

В писательских кругах существует мнение (и автору его неоднократно доводилось слышать), что независимо от социально-классовых, экологических, исторических координат произведения оно может в равной степени интересоваться как горожан, так и жителей села. Анализ массовых данных о читательских интересах и предпочтениях свидетельствует, что это не совсем так. Преимущественное репродуцирование аграрных сюжетов, невнимание к жизненным интересам, духовным запросам горожан является одной из причин ослабления интереса к национальной литературе. Установлено, например, что в среде горожан коренной национальности Урало-Поволжья уровень потребления национальной литературы ниже, чем среди сельских жителей. Так, в Чувашской АССР, по материалам обследования, в круг своего чтения включают произведения чувашских писателей в селе 86%, а в городе — 57% чувашей, несмотря на то, что в настоящее время городское население пополняется главным образом за счет мигрантов из села, длительный период сохраняющих прежние стереотипы поведения. Высока мера вероятности того, что в дальнейшем (если не будут учтены соответствующие тенденции), с увеличением доли потомственных горожан, спрос на произведения национальной литературы заметно сократится. Ясно, что для сохранения влияния на читателей писатели должны ориентироваться на различные социально-экологические среды, классы, социальные слои, профессиональные, возрастные группы, которые и составляют многообразный читательский контингент.

Разбор содержания и концептуальности художественных произведений позволяет сделать еще одно важное наблюдение: в профессиональной деятельности творческой интеллигенции немаловажное значение приобретают поиск и закрепление в общественном сознании средствами эмоционально-образного воздействия представлений о национальном

⁹ Асанбаев Н. День рождения//Дом с невесткой (на башкир. яз.). Уфа, 1983.

¹⁰ Зарипов Х. Вина на всю жизнь//Влюбленных не осуждают (на башкир. яз.). Уфа, 1983.

¹¹ Рыбаков М. Дикий мед//Дикий мед (на мар. яз.). Йошкар-Ола, 1982.

¹² Эсеней П. Бюрократ (на мар. яз.). Йошкар-Ола, 1982.

¹³ Абдуллин А. Иди навстречу//Иди навстречу (на башкир. яз.). Уфа, 1981.

¹⁴ Было бы несправедливо адресовать данный упрек только литераторам изучаемого региона. Критикой замечено, что «городская» проза в последние годы достигла не столь внушительных успехов, как «деревенская» (см.: Николаев П. А. Критика как наука//Лит. газета, 1986, 27 окт.).

своеобразии. Этническая неповторимость связывается преимущественно с крестьянской культурой, часто — с ее наиболее архаичными элементами. Думается, отчасти этим обстоятельством объясняется так называемый этнографизм литературы народов Урало-Поволжья, проявляющийся в чрезмерном насыщении повествований описаниями явлений культуры традиционного слоя. Можно привести множество примеров подробного этнографического изображения материально-вещной среды и бытовой культуры. Авторы находят поводы для описания традиционных хозяйственных занятий, одежды, жилища, утвари, пищи. Кстати, последней в художественных произведениях уделяется особенно большое внимание. Перечислению национальных блюд, описанию будничных и праздничных трапез в различных социальных слоях, этикету приема пищи посвящено немало страниц. В отдельных произведениях упоминается и описывается от 20 до 30 названий блюд¹⁵. Сходные тенденции обнаруживаются и в описании обрядовой жизни народов Урало-Поволжья.

Все это, несомненно, свидетельствует о заметном стремлении многих авторов с максимальной полнотой описать различные составляющие традиционной народной культуры этноса. И если при изображении событий прошлого литературные герои естественно погружены в традиционную материально-вещную и духовную среду, то при обращении к современности традиционные элементы нередко выступают в качестве этнических ценностей, символов, талисманов. По отношению к ним персонажи испытывают особые чувства, близкие к пиетету: «Наш чай (камышцкий — Т. Г.) особенный. Джомба! От одного только этого слова во рту появляется особый вкус. Джомба — чудо!... Одну пиалу выпьешь, от второй уже не откажешься. Вот какой чай!»¹⁶.

Другой, весьма примечательной, близкой к этнографизму особенностью литературных произведений писателей народов Урало-Поволжья является ее фольклоризм. Авторам свойственны различные манеры использования фольклорного наследия в своих произведениях. С одной стороны, это стилизованные переложения фольклорных сюжетов и мотивов¹⁷, с другой — включение их в ткань реалистических произведений. В последнем случае фольклор, во-первых, служит образцом, скорее даже штампом, художественной изобразительности, например при описании положительных и отрицательных героев, мужской и женской красоты. Можно заметить, что нередко характеры и внешние данные персонажей приобретают не столько индивидуализированные, личностно-неповторимые, сколько, наоборот, обобщенно-фольклорные черты, идущие от народной устно-поэтической традиции. Так, наиболее распространенный образ положительного героя — это богатырь, батыр, джигит, сильный, смелый, широкоплечий, целеустремленный. В женских образах подчеркивается прежде всего внешность, затем черты характера, чаще всего такие, как скромность, застенчивость, трудолюбие. Таким образом, в современных реалистических произведениях сохраняется прочная связь с народно-крестьянской традицией эстетического восприятия, закрепленной в устно-поэтической форме.

Духовная жизнь литературных героев насыщена фольклором. Они поют по преимуществу народные песни, рассказывают или слушают сказки, легенды, предания, нередко в фольклорной форме осмысливают политические события. «Может, Ленин и есть Правда-батыр? Сколько веков он боролся с Кривдой-батыром?» — размышляет героиня романа З. Бишовой «Емеш». Персонажи не только прошлого, но и настоящего нередко наделены элементами фольклорного мышления. Так, например, героиня повести З. Катковой «Где ты, счастье мое?», посвященной жизни марийского села 60-х годов, сравнивает своих односельчан со сказо-

¹⁵ См., например: *Карим М.* Долгое-долгое детство. М., 1984; *Ильбек М.* Черный хлеб (пер. с чуваш.). Чебоксары, 1982.

¹⁶ *Бембеев Т.* Граница детства/Пер. с калм. Элиста, 1983. С. 15.

¹⁷ См., например: *Петров М.* Италмас (на рус. и удм. яз.), Ижевск, 1984; *Кукаев А.* Богатырь Мерген/Пер. с калм. Элиста, 1983.

чными богатырями, «которые долго спали, заколдованные злым кереметом, а теперь проснулись, огляделись и принялись за дело»¹⁸.

Примечательно, что во многих произведениях, в которых описана современность, персонажи (по воле авторов), пытаясь оценить свое собственное поведение или поступки других, чаще всего обращаются к фольклору, соотносят жизненные ситуации с народными сентенциями. Подсчитано, что в большей части произведений содержится по 10—20 пословиц, наиболее популярных поговорок, крылатых выражений.

В свою очередь описания эстетических и эмоциональных переживаний по поводу прочитанных книг, прослушанной профессиональной музыки, просмотренных спектаклей составляют скорее исключение, чем правило. Очевидно, что профессиональная духовная культура, с точки зрения ее производства и потребления, еще не стала объектом серьезного внимания со стороны писателей изучаемого региона. Мало того, при сопоставлении литературы 30-х и 60—70-х годов обнаруживается некий «парадокс» художественного мышления: герои произведений, написанных в 70—80-е годы и посвященных событиям 20—30-х годов, нередко выглядят более архаично, более фольклорно, чем их литературные современники, созданные писателями 30-х годов. Так, в романе удмуртского писателя Г. Медведева «Лозинское поле» (написан в 1932—1936 гг.; по данным обследования 1979 г., назван в числе наиболее популярных среди читателей-удмуртов) герои поют революционные песни, читают газеты и журналы, обучаются грамоте, совершают лыжные прогулки. Их деятельность освящена максималистским лозунгом «Долой старье!». Бытовая же культура 20—30-х годов в современном истолковании насыщена традиционными составляющими — обрядами и обычаями, соблюдению и описанию которых отводится немало времени, а соответственно и страниц.

Ясно, что в реальной жизни явления нового и традиционного сосуществуют. Отбор материала зависит от позиции писателя. Думается, в анализируемой литературе заметна тенденция некоторой абсолютизации традиционных форм материальной и духовной культуры народов Поволжья и Приуралья.

Констатируя подобные факты, автор далек от стремления умалить значение и функциональную роль традиционной культуры, тем более в прошлом. Вместе с тем налицо тенденция «этнографизации» художественных повествований в ее излишне архаизированной форме.

Кроме того, имеют место попытки некоторых писателей искусственно удревнить историю и этногенез народов Поволжья и Приуралья. Так, чувашский писатель А. Талвир устами своего героя утверждает, что чувашская культура — это якобы продолжение, ветвь шумерской цивилизации. Прозаик А. Емельянов причисляет Индию к прародине чувашей¹⁹, хотя вопрос о наличии связей Шумера и Индии с этно- и культурогенезом чувашей более чем сомнителен.

Разумеется, характер и мера проявления подобных тенденций в различных республиках неодинаковы. Скажем в Башкирии (наряду с Татарией) шире, чем в других автономиях, осваиваются урбанистические сюжеты. Удмуртские писатели в меньшей степени, чем писатели других республик, озабочены поиском и утверждением национального колорита. Однако в целом, несомненно, наблюдается некоторое отставание профессионального группового сознания части творческой интеллигенции от бытия, от проблем, выдвигаемых действительностью.

Такое отставание в сфере духовного производства, некоторое любование стариной ведет к существенным потерям в полнокровном отражении как прошлой, так и настоящей жизни народов-этносов. В частности, преувеличенный интерес к области традиционного, отыскивание национально-специфичного главным образом в крестьянском слое культуры сказыв-

¹⁸ Каткова З. Где ты, счастье мое?/Пер. с мар. Йошкар-Ола, 1973. С. 37.

¹⁹ Талвир А. Фундамент//На Буинском тракте. М., 1978. С. 38; Емельянов А. Черные грузди. М., 1984. С. 174.

вается на осмыслении явления и сути национальной психологии, вернее — ее некоторых черт. Данные о сфере национальной психологии отрывочны, неполны и позволяют судить об отдельных тенденциях в изображении национального самосознания и национального характера. Национальное самосознание наиболее часто представлено такими элементами, как национальная идентификация (ощущение своей связи с этносом), представление о типичных чертах своего народа, о родной земле.

Что касается последнего, то в литературе народов Урало-Поволжья понятие о родине ассоциируется прежде всего с традиционной экологией, хозяйственными занятиями, доиндустриальными реалиями материального мира. Луг, поле, береза, родник, деревья, трава и т. д. — привычный набор категорий-слов, которыми оперируют писатели и особенно поэты при описании родного края. Родная земля — это продрогшая старая береза нависшая зелеными космами над водой²⁰, похожая на расшитый девичий элян (халат — Т. Г.)²¹.

Близки позиции писателей и в изображении национального характера. Для того чтобы выявить, существует ли некая повторяющаяся совокупность качеств, отражающая, по мнению авторов, национальный характер народов Урало-Поволжья, или каждому писателю свойственна сугубо индивидуальная интерпретация данного феномена, в 30 наиболее популярных произведениях были зафиксированы все встречающиеся по этому поводу понятия и определения. Как показал анализ, в различных литературах существует немало сходного в представлении о национальном характере своего народа. К числу наиболее часто встречающихся черт, приписываемых всем этносам, относятся трудолюбие, миролюбие, гостеприимство, бескорыстие. Кроме того, в произведениях чувашских авторов встречаются такие понятия, как доброта, терпеливость, у башкирских — свободолюбие, у калмыцких — застенчивость.

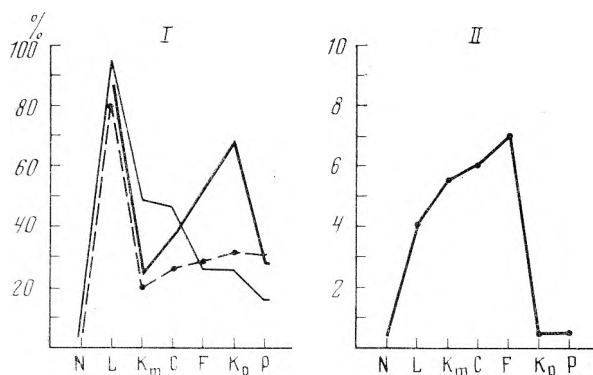
Полученные результаты дают немало поводов для размышлений. Например, становится очевидной проблема относительности так называемой этнической специфики. То, что представляется единственным и неповторимым, при сопоставлении оказывается типичным, сходным, подобным. Далее, что в контексте настоящей статьи кажется более существенным, обращают на себя внимание сами характеристики. С одной стороны, они символизируют общечеловеческие положительные качества, имеющие непреходящую ценность; с другой — набор этих свойств говорит скорее о наличии определенного свернутого стереотипа, штампа в понимании и художественном описании национального характера, нежели о проникновении в глубинные пласты национальной психологии. Такая несколько упрощенная трактовка, во-первых, не соответствует современному уровню развития самой психологической компоненты этноса, во-вторых, отстает от научных, в частности этнографических, представлений о ней²².

Затрагивая этнопсихологические аспекты, автор отдает себе отчет в том, сколь тонки и неоднозначны взаимосвязи между самим явлением, отношением к нему со стороны группы творческой интеллигенции и его преломлением в продуктах духовного производства. Замечено, например, что оценка того или иного феномена (зафиксированная с помощью стандартизованного вопросника, в ходе интервью, в личной беседе) и его художественное толкование могут не совпадать. Подобный вывод стал очевиден при сопоставлении данных массовых этнографических обследований республик Урало-Поволжья и качественно-количественных характе-

²⁰ Архипов Т. Вся красота твоя/Пер. с удм. Ижевск, 1983. С. 8.

²¹ Бишшева З. Указ. раб./Пер. с башкир. М., 1983. С. 329.

²² См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 143—200; Дробизева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития//Сов. этнография (СЭ), 1985. № 5; Кон И. С. Национальный характер — миф или реальность?//Иностр. лит. 1968. № 9; Социально-культурный облик советских наций (По материалам этносоциологического исследования). М., 1986. С. 317—418; Старовойтова Г. В. К исследованию этнопсихологии городских жителей//СЭ. 1976. № 3.

Ощущение своей связи с этносом. Данные ответов на вопрос: «Что сближает Вас с людьми Вашей национальности?». I — Данные обследования (Чуваши АССР, 1981 г., % к числу ответивших); II — Данные литературных произведений (соотношение количества упоминаний, описаний, предания; К_p — национальная литература и профессиональная культура; P — это сложно выразить словами, трудноуловимое чувство (см. рисунок).
пунктирная линия — ответы горожан

ристик произведений художественной литературы этого же региона. Так, в инструментарий обследований был заложен индикатор, фиксирующий чувство (ощущение) своей связи с этносом, — вопрос: «Какие признаки сближают (роднят) Вас с людьми своей национальности?». Ответ предлагался по следующей шкале: N — ничто не сближает; L — национальный язык; K_m — национальная одежда, жилище, пища; C — национальные обычаи, привычки, обряды; F — народное творчество, сказки, народные песни, предания; K_p — национальная литература и профессиональная культура; P — это сложно выразить словами, трудноуловимое чувство (см. рисунок).

Обратим внимание, что в предложенном наборе переменных отчасти воспроизводятся структурная модель этноса, ее компонентные составляющие: язык, материальная и обрядовая культура, фольклор, профессиональная духовная культура, этническая психология²³. Измерение частоты выбора показателей (допускалось несколько ответов) позволило выявить, как респонденты ощущают связь с собственным этносом и по сути дела осознают на субъективно-психологическом уровне важность различных его компонент. По этой же шкале замерялась частота упоминаний, описаний различных элементов этнической культуры (в ее широком толковании) как этнических символов, как признаков этнической идентификации в наиболее читаемых произведениях. Таким образом, представилась возможность сравнить ответы горожан, жителей села, группы творческой интеллигенции и данные литературных текстов.

Построенный график делает очевидным по меньшей мере два вывода.

I. Осознание значимости каналов, ниточек связей со своим этносом в различных группах варьирует. Заметим только, что в собственных ответах творческая интеллигенция выдвигает на первый план кроме языка профессиональную духовную культуру и фольклор, в художественных произведениях этноинтегрирующими элементами являются прежде всего фольклор, обряды и обычаи и традиционная материальная культура.

II. Ответы всех групп респондентов отличается различная степень близости по тому значению, которое респонденты придают тем или иным компонентам. Эту латентную меру тесноты связи обнаруживает коэффициент ранговой корреляции Пирсона²⁴. Как показывает расчет, наибольшую положительную величину коэффициент связи имеет между ответами горожан и творческой интеллигенции ($R=0,83$), наибольшую отрицательную — между ответами горожан и суждениями литературных ге-

²³ См. подробнее: Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. С. 12—17.

²⁴ Коэффициент ранговой корреляции Пирсона рассчитан по: Статистический словарь. М., 1965. С. 264.

роев ($R = -0,56$). Таким образом, писатели демонстрируют как бы двойной подход в толковании психологической связи с этносом: в самоощущениях они приближаются к горожанам, а в произведениях отдаляются от них, сочетая скорее свои специфические и крестьянские представления. В этом проявляется, на наш взгляд, не столько банальная ситуация, когда говорят одно, а пишут другое, сколько более сложное переосмысление собственного ролевого поведения. В ходе опроса группа творческой интеллигенции, выступая в качестве объекта обследования, выражает собственные позиции. В профессиональной же деятельности она превращается в коллективного субъекта, отвечающего за формирование определенных настроений и идей. Остается размышлять, является ли модель этнопсихологических реакций, представленная в художественных произведениях, желательной или (что скорее всего) она отражает, по мнению писателей, реальность.

В целом анализ художественных произведений национальных писателей Урало-Поволжья позволяет сделать следующее заключение: литературный мир с его персонажами, материально-вещной средой, духовной жизнью, как правило, этнически окрашен; этносы изображены как самостоятельные, своеобразные, отличающиеся друг от друга общности; осмысление многих сторон жизни коренных народов составляет важный элемент духовной деятельности писателей.

При всем многообразии и неповторимости художественных произведений можно уловить некоторые общие тенденции, присущие литературам народов Поволжья и Приуралья. Это и предпочтительное описание сельской социально-экологической среды, и преимущественное внимание к историческому отрезку времени с 1917 по 1945 г., и сходные ориентации в художественном исследовании современности, проблем города и села. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на страницах художественных произведений в характере взаимоотношений, в повседневных формах поведения и особенно в духовной жизни героев нередко преувеличиваются роль и степень распространенности элементов исторически нижнего слоя культуры этноса. Это, несомненно, свидетельствует о наличии ностальгических настроений в среде писательской интеллигенции по поводу исчезающей старины, уходящей доиндустриальной деревни.

Рассматривая художественную литературу народов Урало-Поволжья как своеобразный этнографический источник, нельзя не заметить, что этносы, даже современные, представлены в ней в несколько архаизированном виде. Отчасти это проявляется в предпочтительном описании прошлого. Подсчитано, что примерно в 60% произведений мордовских и 65% произведений марийских писателей, опубликованных в 1981—1985 гг., события происходят до 1945 г. Кроме того, многие современные явления авторы стремятся оценить с точки зрения традиционно-крестьянского мышления. Выше по этому поводу были приведены факты, так сказать, социально-этнографического уровня. Не менее выразительна также косвенная информация, содержащаяся в наборе эпитетов, сравнений, параллелизмов. Так, наши современники, герои художественных произведений, в своем ассоциативном восприятии мира обращаются к традиционным образам: Казанский, Ленинградский и Ярославский вокзалы в Москве напоминают трех богатырей, женские ноги — веретена, навязчивые мысли — движение по кругу лошади, вращающей крупорушку, и т. д. Несомненно, право на существование имеют различные (в том числе и такая) манеры художественного восприятия и изображения действительности. Проблема состоит в многообразии, в большей реактивности художественной литературы, в необходимости шире исследовать (разумеется, своими методами) те изменения, преобразования, которые переживают этносы в настоящее время. Следует иметь в виду, что современный этнос как объект художественного анализа и как потребитель национальной духовной культуры — это сложная динамичная социальная система. В ее составе существуют многочисленные классовые, социально-профессиональные, образовательные, половозрастные группы, ко-

торые обладают далеко не одинаковыми этносоциальными и этнокультурными характеристиками и которые заслуживают того, чтобы стать предметом художественного изучения. Думается, к числу составляющих, которые обеспечивают популярность литературным произведениям, относится и эффект «узнавания». К сожалению, многие социальные группы, прежде всего отряды высококвалифицированных рабочих, научная и техническая интеллигенция, студенчество, еще не нашли должного места на страницах художественной литературы. Процессы урбанизации, индустриализации, проблемы усложнения социально-культурной структуры личности-этнофора находятся на периферии внимания писателей.

Есть надежда, что в условиях перестройки, в атмосфере активизации человеческого фактора и творческого начала в художественных произведениях писателей народов Поволжья и Приуралья найдет более полное отражение современный, соответствующий духу времени взгляд на собственные этносы.

Н. Ф. Шакирова

ДИКОРАСТУЩИЕ РАСТЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ПИТАНИИ БАШКИР

В эволюции культуры этноса, обусловленной прежде всего социально-экономическими факторами, питание имеет некоторые особенности функционирования и развития. В ходе развития хозяйственной деятельности и культуры типы и характер питания претерпевают существенные изменения. Тем не менее полного вытеснения прежних элементов питания не происходит, они продолжают существовать в качестве подсобных, дополнительных.

Понятно, что системе питания должны быть свойственны, во-первых, регулярность, надежность и стабильность; во-вторых, в ней должна проявляться тенденция к достаточному разнообразию продуктов питания, а также к рациональности питания.

Сложению специфики питания этноса в немалой степени содействуют межэтнические отношения, торгово-экономические и иные связи.

Питание составляет часть системы жизнеобеспечения этноса. Однако система народного питания в обществах с низким развитием производительных сил не стабильна. Голод, как известно, явление, характерное для любого классово-антагонистического общества. Так, например, в России только на протяжении XIX в. было свыше 40 неурожайных лет, когда голод охватывал десятки губерний¹. Башкирия в этом отношении не отличалась от других регионов России; кроме того, здесь голод усиливался и другими обстоятельствами. В течение последних веков все интенсивнее шел процесс обезземеливания башкир, что приводило к подрыву традиционного хозяйства, основанного на сочетании экстенсивного скотоводства с земледелием. Особенно тяжелые формы этот процесс принял в XIX в.²

В предлагаемой статье автор на основе полевых материалов, собранных в 1980—1986 гг. в восьми районах Башкирской АССР и двух районах Курганской области (деревни с башкирским населением), рассматривает использование башкирами в пищу дикорастущих растений как в традиционном питании башкир, так и в современном.

Употребление дикорастущих растений в пищу уходит корнями в эпоху собирательства. Использование их (со всей совокупностью связанных с ними традиций и приемов) — неотъемлемая часть традиционной системы питания башкир. Для нее характерна большая степень консерва-

¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. IX. С. 103—104.

² «Колонизаторы сводили корабельные леса и превращали „очищенные“ от „диких“ башкир поля в „пшеничные фабрики“» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 253.